

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

Здесь
можно
быть собой



ОШИБКИ РОДИТЕЛЕЙ

ДЕВУШКА ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Часть 2

ЛЮБОВЬ ПРОТИВ СТРАХА

Иногда
самая большая
опасность
приходит
не от чужих людей,
а от тех,
кто называет это
заботой.

ДОВЕРИЕ

ПОДДЕРЖКА

СВОБОДА

БУДУЩЕЕ

Семья
—
это выбор
каждый день



ОПЕКА

ЗАЯВЛЕНИЕ

ПОЛИЦИЯ

НАСТОЯЩАЯ СЕМЬЯ
НАЧИНАЕТСЯ ТАМ,
ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ СТРАХ.

Надежда Порошина
Ошибки родителей. Девушка
за закрытой дверью. Часть 2
Серия «ОШИБКИ РОДИТЕЛЕЙ:
девушка за закрытой дверью», книга 2

<https://litres.ru/74403243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна, Константин и маленький Миша пытаются построить дом, где можно ошибаться, говорить правду и не бояться наказания. Но голоса прошлого продолжают звучать внутри Анны, а её отец не готов смириться с потерей контроля.

Сначала появляются непрошенные советы и тайные разговоры с ребёнком. Затем — угрозы, визит в детский сад, проверка органов опеки и заявление в полицию. Оказавшись между отцом и любимым мужчиной, Анна снова выбирает знакомый способ спасения: говорит каждому ту часть правды, которую от неё хотят услышать.

Всего одна подпись превращает Константина в возможную угрозу, разрушает доверие и лишает Анну дома. Теперь её слово оказывается против слова отца, а Миша уверен, что именно он должен примирить взрослых.

Вторая часть романа — о цене страха, удобной лжи и семье, которую можно потерять, пытаясь сохранить мир любой ценой.

Содержание

ЧАСТЬ II. ЛЮБОВЬ ПРОТИВ СТРАХА. Глава	5
11. Дом, который они построили	
Глава 12. Старые голоса	24
Глава 13. Ты без нас пропадёшь	40
Глава 14. Семья под угрозой	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Надежда Порошина Ошибки родителей. Девушка за закрытой дверью. Часть 2

ЧАСТЬ II. ЛЮБОВЬ ПРОТИВ СТРАХА. Глава 11. Дом, который они построили

Квартира принадлежала Константину, но он с первого дня называл её общей.

Анна долго не могла к этому привыкнуть.

Она спрашивала, можно ли переставить чашки, освободить полку в ванной, повесить фотографию Миши. Перед тем как положить продукты в холодильник, уточняла, куда их лучше поставить. Свои вещи держала в коробках, словно готовилась в любой момент снова собрать их и уйти.

— Почему ты не разбираешь одежду? — спросил Константин через неделю после переезда.

— Здесь мало места.

— В шкафу две пустые полки.

— Это твои.

— Пустые?

— Всё равно твои.

Он открыл шкаф, снял одну из полок и положил на кровать.

— Что ты делаешь?

— Передаю имущество новому владельцу.

— Костя, поставь обратно.

— Не поставлю.

— Зачем ломать шкаф?

— Я не ломаю. Демонтирую доказательство того, что ты здесь в гостях.

Анна не улыбнулась:

— Я действительно пока в гостях.

Константин перестал шутить.

— Почему?

— Потому что это твоя квартира.

— И что должно произойти, чтобы она стала нашей?

Анна задумалась.

Наверное, требовалось время. Или регистрация. Или официальный документ. Или разрешение человека, который жил здесь раньше неё.

— Не знаю.

— Тогда давай начнём с простого.

Константин установил полку обратно и протянул ей отвёртку:

— Прикручивай.

— Зачем?

— Теперь ты тоже участвовала в сборке шкафа. Можешь пользоваться.

Она всё-таки рассмеялась.

Но одежду разложила только вечером, когда он ушёл в магазин. Каждую вещь складывала аккуратно, оставляя между стопками свободное пространство. Даже заняв две полки, Анна старалась сделать так, чтобы её присутствие было почти незаметным.

С Мишей всё происходило иначе.

За несколько дней его игрушки заполнили гостиную, детские рисунки появились на холодильнике, а на новом стеллаже рядом с книгами Константина выстроились машины.

Мальчик не сомневался, имеет ли право находиться здесь.

Он просыпался утром и бежал в спальню:

— Папа, вставай!

— На часах семь, — сонно отвечал Константин.

— Уже утро.

— Утро — это неуважительная причина.

Миша забирался на кровать, и через несколько минут спать уже не мог никто.

Раньше Анна немедленно увела бы ребёнка, попросила вести себя тише и извинилась за испорченное утро. Теперь она наблюдала, как Константин натягивает одеяло на голову, а Миша пытается его найти, и постепенно училась не оста-

навливать радость только потому, что она звучит громко.

У их дома появились правила.

Не такие, как у Виктора.

Правил было немного, и они относились ко всем.

Если кто-то сердится, он говорит об этом, а не наказывает молчанием.

Если один человек сказал «нет», другой не требует объяснять отказ до тех пор, пока ответ не изменится.

Дверь в комнату можно закрывать.

Ошибку можно признать.

Чужие вещи нельзя брать без разрешения — даже взрослым.

Последнее правило появилось после того, как Константин взял со стола рисунок Миши и показал Ольге.

— Это мой! — закричал мальчик.

— Я знаю. Хотел показать тёте.

Миша выхватил лист и смял угол:

— Нельзя!

— Не разговаривай так с папой, — вмешалась Анна.

Константин поднял руку:

— Подожди. Он прав.

— Он кричит на взрослого.

— Потому что взрослый взял его вещь.

Константин присел перед Мишей:

— Я должен был спросить. Прости.

Мальчик перестал сердиться почти сразу:

— Больше не бери.

— Не буду.

Анна долго думала об этой сцене. В доме родителей ребёнка заставили бы извиняться за крик. Никого не заинтересовало бы, почему он разозлился. Взрослый по определению оставался прав.

Здесь взрослый мог признать ошибку и не потерять уважения.

Однако новые правила легко было придумать и гораздо труднее соблюдать.

Однажды вечером Константин вернулся усталым. На работе произошла авария, несколько часов он провёл на холодном складе, а затем застрял в пробке.

В гостиной лежали игрушки. На кухне осталась немытая посуда. Анна пыталась закончить рабочий отчёт, а Миша бегал вокруг стола с машиной и изображал сирену.

— Миш, потише, — попросил Константин.

Мальчик проехал ещё один круг.

— Я сказал, хватит!

Голос ударился о стены.

Миша остановился.

Машина выпала из его руки.

Анна увидела знакомое выражение на лице сына — он пытался угадать, что теперь произойдёт.

— Костя, не кричи.

— Я просил нормально.

— Один раз.

— Мне нужно десять раз просить?

Он бросил ключи на тумбу и ушёл в ванную.

Миша поднял машину:

— Папа злой?

— Он устал.

Анна произнесла это и замерла.

Точно так мать объясняла ей поведение Виктора.

«Папа устал».

«У него тяжёлый день».

«Не попадайся ему сейчас».

Из ванной шумела вода. Анна закрыла ноутбук и присела рядом с сыном:

— Папа рассердился. Но ты не виноват в том, что у него был трудный день.

— Я шумел.

— Да. Он попросил тише, а ты не услышал. Но кричать всё равно не нужно было.

— Он меня больше не любит?

— Любит.

— Тогда почему кричал?

Вопрос оказался сложнее, чем взрослые объяснения о любви.

— Потому что иногда люди не справляются со своей злостью.

— Даже папы?

— Даже папы.

Константин вернулся через несколько минут. Волосы были мокрыми, лицо уставшим.

Он сел перед Мишей:

— Я тебя напугал?

Мальчик кивнул.

— Прости. Мне нужно было ещё раз попросить или выйти в другую комнату.

— Ты злой?

— Сейчас уже нет.

— А меня любишь?

Константин обнял его:

— Конечно.

Миша прижался к нему, затем поднял машину:

— Можно тихо?

— Можно.

Ребёнок ушёл играть.

Анна продолжала стоять возле стола.

— Что? — спросил Константин.

— Ничего.

— Нет, скажи.

— Я испугалась, что всё начинается сначала.

Он сразу понял, о чём она говорит.

— Я не твой отец.

— Сейчас ты говорил как он.

Константин отвёл взгляд:

— Возможно.

— Ты же обещал...

— Я обещал не кричать никогда?

— Нет.

— Тогда что?

Анна не знала.

Она хотела гарантии, что в этом доме не повторится ничего из прошлого. Что Константин всегда будет терпеливым, Миша — спокойным, а она сама никогда не ошибётся.

Такой гарантии не существовало.

— Мне нужно знать, что мы не станем такими, как они.

Константин выдвинул стул и сел:

— Мы иногда будем.

— Что?

— Будем злиться. Говорить резко. Принимать плохие решения. Может быть, ещё не раз напугаем Мишу.

Анна почувствовала холод:

— Тогда в чём разница?

— В том, что мы сделаем после.

Он посмотрел на сына, который теперь медленно катал машину по дивану.

— Можно доказать ребёнку, что взрослый всегда прав. А можно признать, что сорвался, и исправить то, что ещё можно исправить.

— Одних извинений недостаточно.

— Согласен.

— А если ты снова накричишь?

— Значит, нам придётся понять, почему я это делаю, и найти другой способ. Но я не стану обещать, что никогда не ошибусь.

Его честность не успокаивала. Зато в ней не было обмана.

Они вместе убрали игрушки. Константин помыл посуду, Анна закончила отчёт. Позже, когда Миша уснул, они вернулись к разговору и решили, что после особенно тяжёлых смен Константину нужно хотя бы двадцать минут тишины.

Не потому, что весь дом обязан подстраиваться под его настроение.

Потому что он сам должен научиться замечать момент, когда усталость превращается в раздражение.

Так строился их дом.

Не из стен, мебели и общих фотографий.

Из разговоров, к которым приходилось возвращаться.

Из правил, распространявшихся и на взрослых.

Из признанных ошибок.

Из попыток сделать иначе.

Финансы оказались следующей проверкой.

Анна переводила почти всю зарплату на общий счёт, оставляя себе только небольшую сумму. Так делала её мать: деньги в семье всегда находились у Виктора.

Константин увидел перевод и спросил:

— Зачем столько?

— На продукты и квартиру.

— Мы договаривались делить расходы иначе.

— Мне неудобно жить за твой счёт.

— Ты не живёшь за мой счёт.

— Квартира твоя.

— Ты покупаешь продукты, оплачиваешь садик и всё для

Миши.

— Этого мало.

— Кто решил?

Анна не ответила.

Константин вернул часть денег:

— Это твоё.

— У нас общая семья.

— Поэтому у тебя должны быть собственные средства.

— Зачем, если мы вместе?

— Потому что вместе — не значит без выбора.

Она восприняла это как недоверие:

— Ты думаешь, мы расстанемся?

— Я думаю, ты должна иметь возможность уйти, если однажды захочешь.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нет.

— Тогда зачем говоришь об этом?

Константин устало потёр лоб:

— Потому что человек остаётся свободным не тогда, когда ему запрещено уйти. А когда он может уйти, но выбирает остаться.

Анна посмотрела на возвращённые деньги.

Отец считал иначе. Если вкладываешь в человека силы, время и средства, приобретаешь право решать, как он должен жить. Помощь превращалась в долг, который невозможно выплатить полностью.

Константин не хотел покупать её зависимость.

Анна открыла отдельный накопительный счёт. Сначала сумма была небольшой. Но каждый месяц она откладывала часть зарплаты и училась не испытывать вину за то, что имеет что-то своё.

Через несколько месяцев они решили сделать ремонт в комнате Миши.

Константин предложил серые стены и яркие полки. Анна выбрала светло-зелёные обои. Миша хотел космос на потолке, красную кровать в форме машины и настоящий светфор.

— Всё сразу не поместится, — сказал Константин.

— Поместится.

— Тогда нам придётся спать в коридоре.

Миша задумался:

— Вы можете.

В результате стены стали зелёными, на потолке появились светящиеся звёзды, а вместо кровати-машины они купили обычную и прикрепили к спинке игрушечный руль.

Первую полосу обоев Константин наклеил криво.

Анна отошла к двери и посмотрела:

— Нужно снять.

— Высохнет — выровняется.

— Обои не выравниваются после высыхания.

— Эти выравниются. Они чувствуют мою уверенность.

Через час полоса всё ещё была кривой.

— Я же говорила.

— Не нужно радоваться так открыто.

Они переклеили её вместе.

Вечером Миша лежал на новой кровати и рассматривал звёзды.

— Это моя комната?

— Твоя, — ответила Анна.

— Навсегда?

Она посмотрела на Константина.

— Пока тебе самому не захочется другую.

— А дверь можно закрывать?

— Конечно.

Миша встал, закрыл дверь, через секунду открыл и засмеялся.

Анна смотрела на него и думала о своей детской комнате. Ей хотелось закрыть дверь, чтобы хотя бы ненадолго почувствовать себя в безопасности. Сын закрывал её просто потому, что мог.

На следующий день приехали родители.

О визите они не предупредили.

Виктор несколько раз нажал кнопку звонка, затем стал

стучать.

— Почему не открываете? — спросил он, едва Анна повернула замок.

— Мы не слышали.

Отец вошёл, не дожидаясь приглашения. Мать держала пакеты с продуктами.

— Решили посмотреть, как вы устроились, — сказала она.

Миша выбежал из комнаты:

— Бабушка!

Он обнял её, потом остановился перед Виктором.

— Здравствуй, дедушка.

— Иди сюда.

Отец поднял внука на руки и понёс осматривать квартиру.

— Ну, показывай, где вы тут живёте.

Константин вышел из кухни:

— Добрый день.

— Здравствуй, — сухо ответил Виктор.

В комнате Миши он долго осматривал ремонт.

— Обои криво наклеены.

— Только первая полоса, — сказал Миша. — Папа ошибся, а потом мы исправили.

Виктор посмотрел на Константина:

— Значит, папа.

— Миша сам так решил, — ответила Анна.

— Мы помним.

Мать расставляла продукты в холодильнике.

— Здесь всё неправильно лежит. Молоко нужно ставить глубже, на дверце температура меняется.

Она переставила бутылки, достала контейнеры, проверила сроки годности.

— Мам, оставь.

— Я помочь хочу.

— Я сама разберусь.

— Конечно. Уже разобралась.

Она показала упаковку творога:

— Завтра срок заканчивается.

— Мы съедим.

— А если забудете?

— Не забудем.

Мать обиженно закрыла холодильник:

— Больше ничего не трогаю.

Виктор прошёл в спальню. Открыл шкаф.

— Папа, что ты ищешь?

— Смотрю.

— Это наши вещи.

— Я вижу.

— Тогда зачем открываешь?

Отец повернулся:

— У тебя от нас секреты появились?

Константин подошёл ближе:

— Виктор, в этом доме мы не открываем чужие шкафы без разрешения.

Тишина наступила мгновенно.

Виктор медленно закрыл дверцу:

— В этом доме?

— Да.

— Напомни, кто тебя просил устанавливать для меня правила?

— Никто. Я объясняю правила квартиры, в которой живу.

— С моей дочерью и моим внуком.

— С Анной и Мишей.

Отец посмотрел на дочь:

— Тебя всё устраивает?

Раньше Анна поспешила бы смягчить конфликт. Сказала бы, что Константин неправильно выразился, а отец ничего плохого не хотел.

Сейчас она ответила:

— Да.

— То есть я уже не могу открыть шкаф собственной дочери?

— Не можешь.

Виктор усмехнулся:

— Быстро тебя научили.

— Меня никто не учил.

— Да неужели?

Мать появилась в дверях:

— Перестаньте. Мы пришли нормально посидеть.

— Нормально — это когда родители не ходят по чужим

комнатам, — сказал Константин.

— Чужим? — переспросила она. — Значит, мы здесь чужие?

Анна почувствовала, как знакомая вина поднимается внутри. Но рядом стоял Миша и внимательно следил за взрослыми.

Он должен был увидеть, что границы можно защищать без крика.

— Вы не чужие, — сказала Анна. — Но это наш дом.

Виктор долго смотрел на неё.

Потом на Константина.

— Понятно.

Он прошёл в прихожую и начал обуваться.

— Витя, мы только пришли, — остановила его мать.

— Пусть живут в своём доме.

Она растерянно посмотрела на дочь:

— Ты могла бы промолчать. Он бы посмотрел и закрыл.

— Могла.

— И что изменилось бы?

Анна ответила:

— Я.

Родители ушли.

За дверью ещё некоторое время слышались их шаги. Потом стало тихо.

Анна прислонилась к стене.

— Я всё испортила.

— Нет, — сказал Константин. — Они пришли без предупреждения и начали проверять квартиру.

— Папа теперь долго не позвонит.

— Возможно.

— Мама будет плакать.

— Возможно.

— И тебя они станут ненавидеть ещё больше.

— Очень вероятно.

Анна посмотрела на него:

— Тебе обязательно отвечать именно так?

— Ты хочешь, чтобы я солгал?

Она устало улыбнулась:

— Иногда можно сказать что-то обнадеживающее.

Константин обнял её:

— Хорошо. Мы справимся.

Из комнаты вышел Миша.

— Бабушка забыла пакет.

На полу стояли продукты, которые мать не успела убрать.

Анна посмотрела на них. Раньше эти пакеты означали помощь, за которую позже обязательно предъявят счёт. Сегодня родители принесли продукты и попытались вместе с ними вернуть прежний порядок.

— Отнесём завтра, — решила она.

Константин покачал головой:

— Они принесли вам. Пусть остаются.

— Тогда папа скажет, что мы пользуемся ими.

— Скажет при любом варианте.

Он был прав.

Анна взяла упаковку молока и поставила на дверцу холодильника — туда, где она стояла до прихода матери.

Незначительное движение.

Но именно из таких движений складывался их дом.

Не идеальный.

Не всегда тихий.

Не защищённый от чужого вмешательства.

Зато их собственный.



Глава 12. Старые голоса

После ухода родителей квартира стала непривычно тихой.

Анна несколько раз подходила к телефону, проверяя, не пропустила ли звонок. Мать обычно не выдерживала долгого молчания: сначала присылала короткое сообщение, потом звонила и говорила, что не собирается вмешиваться, но хочет понять, почему дочь так с ними поступила.

На этот раз сообщений не было.

На следующий день — тоже.

К вечеру третьего дня Анна уже не могла думать ни о чём другом.

Она набрала номер матери, но сбросила вызов до первого гудка.

— Почему не позвонишь? — спросил Константин.

Он стоял у плиты и резал овощи. Миша сидел за столом и лепил из пластилина длинную зелёную змею.

— Не хочу.

— Телефон у тебя в руке уже полчаса.

— Я смотрю время.

Константин кивнул:

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— Ничего.

— Ты опять думаешь, что я не могу прожить без родите-

лей?

— Я думаю, что ты хочешь позвонить, но боишься.

— Я не боюсь.

Миша поднял голову:

— Мамочка боится бабушку?

Анна сразу убрала телефон:

— Нет.

— Папа сказал...

— Папа ничего такого не говорил.

Константин отложил нож:

— Я сказал, что ты боишься позвонить. Это не одно и то же.

— Не нужно обсуждать меня при ребёнке.

— Хорошо.

Он снова занялся ужином.

Анна ждала, что Константин продолжит спор или хотя бы объяснит, что имел в виду. Но он молчал, и это действовало хуже слов.

— Ты считаешь, что я веду себя глупо?

— Нет.

— Тогда почему так смотришь?

— Как?

— Будто всё понимаешь.

Константин повернулся к ней:

— Аня, я режу помидоры.

— Вот. Ты сноваставляешь меня ненормальной.

— Я этого не говорил.

— Но подумал.

— Не могу отвечать за слова, которые ты произносишь у меня в голове.

Миша переводил взгляд с одного взрослого на другого. Зелёная змея в его руках постепенно превращалась в бесформенный комок.

Анна первой заметила это.

— Иди поиграй в комнате.

— Я хочу здесь.

— Миша, не спорь.

Он вздрогнул и сполз со стула.

— Игрушки сначала убери, — добавила она.

Мальчик быстро собрал пластилин в коробку и ушёл.

Константин проводил его взглядом:

— Зачем ты его выгнала?

— Чтобы он не слушал нашу ссору.

— Мы не ссорились.

— Теперь ссоримся.

— Потому что я резал помидоры не с тем выражением лица?

Анна резко встала:

— Можешь не издеваться?

— Я не издеваюсь. Я правда не понимаю, что происходит.

— Ничего.

— Тогда почему Миша ушёл с таким лицом?

Она посмотрела в сторону детской. Дверь была прикрыта.

— Я устала.

— Это уже похоже на правду.

— Значит, до этого я врала?

— Я не говорил.

— Костя, прекрати!

Он сжал нож в руке, потом положил его на стол и отошёл от плиты.

— Хорошо. Я выйду.

— Куда?

— Пройдусь.

— Почему?

— Потому что начинаю злиться и не хочу говорить лишнее.

Анна почувствовала холод:

— Ты уходишь?

— На двадцать минут.

— Из-за меня?

— Чтобы успокоиться.

— Мой отец тоже всегда говорил, что мы его довели.

Константин замер возле двери:

— Я не сказал, что ты меня довела.

— Но ты злишься.

— Да. Люди иногда злятся друг на друга.

— И потом уходят.

— Иногда выходят из комнаты, чтобы не кричать.

Он надел куртку:

— Я вернусь.

Дверь закрылась.

Анна осталась посреди кухни. На разделочной доске лежали половинки помидоров. В кастрюле закипала вода. Телефон снова оказался в её руке.

Она набрала мать.

Та ответила не сразу.

— Да?

Голос был холодным.

— Мам, привет.

— Здравствуй.

— Как вы?

— Нормально.

— Папа ещё сердится?

— А ты как думаешь?

Анна присела на стул:

— Я не хотела вас обидеть.

— Конечно. Ты никогда не хочешь. Просто каждый раз получается.

— Он открыл наш шкаф без разрешения.

— «Наш». Быстро ты привыкла.

— Мам...

— Я не вмешиваюсь. Живи как считаешь нужным.

— Тогда почему ты так говоришь?

— Как?

Анна услышала собственные слова, недавно обращённые к Константину.

— Никак, — ответила мать. — Тебе, видимо, теперь всё кажется неправильным. Даже то, как родная мать говорит.

— Я не это имела в виду.

— А что?

Анна пыталась подобрать фразу, которая вернёт прежнее спокойствие.

— Я вас люблю.

— Любят поступками, а не словами.

— Что я должна сделать?

В трубке стало тихо.

— Ничего, — наконец произнесла мать. — Теперь уже ничего.

Разговор закончился.

Анна продолжала держать телефон у уха. Она позвонила, чтобы узнать, как родители, а через несколько минут снова оказалась виноватой и не понимала, как это произошло.

Из детской донёсся грохот.

Анна вошла и увидела на полу детали конструктора. Миша стоял рядом с опрокинутой коробкой.

— Что случилось?

— Она упала.

— Сама?

— Я задел.

— Почему ты не можешь быть аккуратнее?

Фраза вылетела прежде, чем Анна успела её остановить.
Миша опустил голову.

— Я нечаянно.

— Вечно у тебя всё нечаянно.

Он замер.

Анна слышала голос отца.

Не похожий.

Тот же самый.

Виктор говорил так, когда она разливала воду, роняла ложку или приносила из школы четвёрку.

«Почему ты не можешь быть аккуратнее?»

«Вечно у тебя всё нечаянно».

Теперь его слова произнесла она.

— Собери, — добавила Анна уже тише.

Миша опустился на колени и начал складывать детали в коробку. Торопился, хватал сразу по несколько, одна снова выскользнула.

Он испуганно посмотрел на мать.

Анна присела рядом:

— Подожди.

Миша прижал деталь к груди.

— Я больше не уроню.

— Я сказала неправильно.

Он не понял.

— Коробка упала случайно. Я не должна была говорить, что у тебя вечно всё не так.

— Ты сердишься?

— Уже нет.

— А до этого?

— Сердилась. Но не из-за конструктора.

— Из-за меня?

— Нет.

Она хотела объяснить, что поссорилась с Константином, позвонила матери и снова почувствовала себя плохой дочерью. Но ребёнку не нужно было нести всё это вместе с ней.

— У меня был трудный разговор.

— С бабушкой?

— Да.

— Поэтому ты сказала голосом дедушки?

Анна перестала собирать детали.

— Каким голосом?

Миша нахмурился, пытаясь изобразить её:

— «Почему ты не можешь?»

Она смотрела на сына и не знала, что страшнее: то, насколько точно он уловил интонацию, или то, что уже связывал её с дедом.

— Я не хочу так говорить.

— Но сказала.

— Сказала.

Анна взяла его за руку:

— Прости меня.

— Хорошо.

Миша сразу улыбнулся, будто одного слова было достаточно.

— Ты можешь не прощать сразу, — сказала она.

— Почему?

— Потому что я тебя обидела.

Он задумался:

— А потом простить?

— Когда захочешь.

Миша положил деталь в коробку:

— Я уже хочу.

Они закончили уборку вместе.

Константин вернулся через двадцать пять минут. Снял куртку, заглянул в детскую и увидел их на полу.

— Можно войти?

Миша кивнул.

— Папа, мама говорила голосом дедушки, а потом перестала.

Константин посмотрел на Анну.

— Понятно.

— Нет, тебе ничего не понятно, — сказала она, но без прежней резкости. — Я накричала на него из-за коробки.

— Не накричала, — уточнил Миша. — Сказала страшно.

Анна опустила глаза.

Константин сел рядом:

— Я тоже сегодня говорил не очень хорошо.

— Ты не кричал.

— Зато издевался про помидоры.

— Немного.

— Значит, оба ошиблись.

Миша достал три синие детали и раздал взрослым:

— Тогда стройте.

Они начали собирать дом.

Сначала стены не держались, потому что каждый строил со своей стороны. Потом Константин предложил договориться, где будет дверь. Миша выбрал самое широкое окно, Анна сделала крышу.

— Кто здесь живёт? — спросил Константин.

— Мы.

— А дедушка?

Миша посмотрел на Анну:

— Он может приходить.

— Когда захочет? — уточнил Костя.

Мальчик подумал:

— Когда позвонит.

Анна невольно улыбнулась.

Вечером, уложив сына, она рассказала Константину о разговоре с матерью.

— Она сказала, что уже ничего нельзя исправить.

— Ты ей веришь?

— Не знаю.

— Хочешь поехать к ним?

— Нет.

Ответ пришёл сразу.

Анна удивилась.

— Тогда зачем звонила?

— Потому что молчание было невыносимым. Мне казалось, я должна что-то сделать.

— Чтобы они перестали сердиться?

— Да.

— Получилось?

Она покачала головой.

Константин налил чай:

— Может, дело не в том, что ты делаешь.

— А в чём?

— В том, что им нужно вернуть всё как было.

— Ты опять обвиняешь родителей.

— Я говорю то, что вижу.

— Ты видишь только плохое.

— Нет. Они много тебе помогали. Любят Мишу. Вероятно, искренне считают, что защищают вас.

— Тогда почему ты говоришь так, будто они враги?

— Потому что любовь не делает любое поведение правильным.

Анна провела пальцем по краю чашки.

— Я сегодня подумала, что стала такой же.

— Как отец?

— Да.

— Из-за одной фразы?

— Не только. Я проверяю, как ты смотришь. Придумываю, что ты думаешь. Злюсь, если ты не отвечаешь так, как мне нужно. Я даже Мишу выгнала из кухни, потому что он мешал мне выяснять отношения.

Константин долго молчал.

— Что?

— Думаю, как ответить и не сказать очередную глупость.

— Получается?

— Пока нет.

Он сел напротив:

— Ты действительно иногда пытаешься мной управлять.

Анна ожидала утешения, поэтому прямого задела.

— Спасибо.

— Хочешь, чтобы я соврал?

— Нет.

— Тогда дослушай. Ты делаешь это не так, как отец.

— Какая разница?

— Ты замечаешь. Извиняешься. Спрашиваешь себя, почему поступила именно так.

— Этого достаточно?

— Нет.

Она подняла глаза.

— Прости, но нет. Если только замечать и каждый раз повторять, Мише легче не станет.

— Тогда что делать?

— Учиться останавливаться раньше.

— Как?

— Не знаю. Можно начать с простой вещи: говорить о том, чего боишься, до того, как страх превратится в обвинение.

— Например?

— Сегодня вместо «почему ты так смотришь» можно было сказать: «Я боюсь, что ты считаешь меня слабой».

Анна произнесла эту фразу про себя. Она звучала слишком открыто.

— А если ты действительно так считаешь?

— Тогда узнаешь правду.

— Вот именно.

— Что?

— Правда может быть хуже.

Константин посмотрел на неё:

— Для тебя правда всё ещё означает наказание.

Анна хотела возразить, но вспомнила красную машину, заменённую новой. Телефон, из которого удалила номер Марины. Разговор с матерью и слова, придуманные вместо признания.

Она скрывала не только поступки.

Она скрывала страх, злость, желания и даже собственную радость, если не была уверена, что окружающие её одобряют.

— Я не умею иначе.

— Значит, будем учиться.

— Мы?

— Я тоже не умею вовремя молчать.

— Это я заметила.

Константин улыбнулся:

— Отлично. Начинаешь говорить правду.

Через несколько дней мать приехала одна.

Позвонила заранее, как просила Анна.

Она принесла Мише новую куртку и контейнер домашних котлет. Вела себя спокойно, не открывала шкафы и не переставляла продукты.

— Папа не приехал? — спросила Анна.

— У него дела.

— Он всё ещё сердится?

— Он не сердится. Просто сделал выводы.

Мать помогала Мише застегнуть новую куртку.

— Что за выводы?

— Что теперь у тебя другой человек всё решает.

— Костя за меня не решает.

— Конечно.

Анна услышала скрытый смысл, но не стала спорить.

— Мама, если хочешь что-то сказать, скажи прямо.

Женщина подняла голову:

— Я прямо и говорю.

— Нет. Ты ждёшь, что я сама догадаюсь и начну оправдываться.

Руки матери замерли на молнии.

— Совсем тебя не узнать.

— Я та же.

— Раньше ты не разговаривала со мной таким тоном.

Анна почувствовала, как внутри появляется знакомый голос:

«Ты неблагодарная».

«Мама из-за тебя расстроится».

«Нужно немедленно всё исправить».

Она сжала пальцы, давая себе несколько секунд.

— Возможно, раньше я боялась говорить.

— Меня?

Анна не ответила.

Мать застегнула куртку Миши до самого подбородка.

— Значит, теперь мы во всём виноваты.

— Я этого не сказала.

— Необязательно говорить. Я и так понимаю.

Она поднялась:

— Передай Константину спасибо. Хорошо научил.

Анна проводила мать до двери.

Раньше она бросилась бы следом, остановила, стала доказывать, что никто её не настраивал. Но сейчас осталась в квартире.

За спиной стоял Миша в новой куртке.

— Бабушка обиделась?

— Да.

— Нужно догнать?

Анна посмотрела на закрывшуюся дверь:

— Нет.

— Почему?

— Потому что иногда человек должен сам справиться со своей обидой.

Миша немного подумал:

— А ты справишься?

Вопрос удивил её.

Старые голоса звучали внутри громко. Они требовали позвонить, извиниться, вернуть всё назад.

Но впервые Анна смогла отличить их от собственного.

— Не сразу, — ответила она. — Но справлюсь.

Глава 13. Ты без нас пропадёшь

Миша заболел в ночь на среду.

Вечером он был только немного тише обычного. Не стал доедать ужин, отказался от сказки и попросил Анну лечь рядом.

Около двух часов она проснулась от его горячего дыхания. Включила ночник, приложила ладонь ко лбу и сразу потянулась за термометром.

Тридцать девять и две.

— Костя.

Константин открыл глаза:

— Что случилось?

— У Миши температура.

Он поднялся, ещё не успев окончательно проснуться:

— Какая?

— Тридцать девять и две.

— Давно?

— Не знаю. Я спала.

Последнюю фразу Анна произнесла так, словно уже оправдывалась.

Константин принёс воду и жаропонижающее. Анна перечитывала инструкцию, хотя знала дозировку.

— Здесь написано по весу. Сколько он сейчас весит?

— Восемнадцать с половиной.

— Точно?

— На прошлой неделе взвешивали.

— Может, нужно меньше?

— Аня, давай по инструкции.

— А если будет слишком много?

— Тогда позвоним в скорую и уточним.

Анна набрала номер раньше, чем он закончил фразу.

Диспетчер выслушала, спросила о симптомах и объяснила, что делать. Пока Миша пил лекарство, Анна держала телефон возле уха, стараясь запомнить каждое слово.

— Если температура не снизится или появятся затруднённое дыхание, судороги, сыпь — вызывайте бригаду, — сказала женщина. — Утром обратитесь к педиатру.

— А сейчас точно не нужно ехать в больницу?

— По вашему описанию срочных показаний нет.

— Но температура высокая.

— Дайте препарату подействовать.

Анна положила телефон.

Через десять минут снова измерила температуру.

Тридцать девять и одна.

— Не снижается.

— Прошло десять минут, — напомнил Константин.

— А если лекарство не действует?

— Подождём ещё немного.

— Ты можешь спокойно ждать?

— Я не спокоен.

— Не похоже.

— Что мне сделать, чтобы было похоже?

Его голос прозвучал резче, чем он хотел. Анна сжала термометр.

— Ничего.

Константин сел рядом с Мишей и смочил полотенце прохладной водой.

— Давай не будем сейчас друг с другом воевать.

— Я не воюю. Я боюсь.

— Я тоже.

Анна посмотрела на него.

Константин осторожно провёл полотенцем по лбу мальчика. Руки у него дрожали.

— Почему ты сразу не сказал?

— Потому что кому-то из нас нужно читать инструкцию, а не представлять всё самое страшное.

Анна хотела обидеться, но Миша застонал и открыл глаза:

— Мамочка.

— Я здесь.

— Мне холодно.

Она укрыла его вторым одеялом.

— Не нужно кутать, — сказал Константин. — Диспетчер сказала оставить лёгкое одеяло.

— Его трясёт.

— Потому что температура поднимается.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Именно поэтому слушаю врача.

Анна убрала второе одеяло. Через минуту снова накрыла.

Потом позвонила матери.

Та ответила после второго гудка:

— Что произошло?

— У Миши температура.

— Какая?

— Тридцать девять.

— Когда поднялась?

— Не знаю. Я только сейчас заметила.

— Господи, Аня. А раньше ты куда смотрела?

Вопрос ударил точно в то место, где уже жила вина.

— Вечером он был нормальный.

— Дай ему жаропонижающее.

— Дали.

— Какое?

Мать выслушала и сказала, что препарат слабый, нужно другое средство.

— Мне врач сказал...

— Врачи всегда говорят одно и то же. Я столько раз тебя лечила, лучше знаю.

— Можно ли смешивать лекарства?

— Кто говорит смешивать? Дай нормальное.

— Но ещё не прошло достаточно времени.

— А ты будешь ждать, пока у ребёнка сорок станет?

Анна почувствовала, как паника усиливается.

— Что делать?

— Мы сейчас приедем.

— Не нужно. Ночь.

— Если бы вы справлялись, я бы не ехала.

Связь оборвалась.

Константин стоял в дверях:

— Зачем ты позвонила?

— Мама знает, что делать.

— Мы уже поговорили с врачом.

— Она вырастила меня.

— И что?

— У неё опыт.

— Аня, мы дали лекарство пятнадцать минут назад.

— Температура не снижается.

— Потому что прошло пятнадцать минут.

— Ты не врач.

— Твоя мать тоже.

Они смотрели друг на друга через кровать ребёнка.

— Не начинай сейчас, — сказала Анна.

— Это ты позвала людей, которые начнут командовать в

ту же секунду, как войдут.

— Они хотят помочь.

— Я тоже.

— Тогда не мешай.

Константин побледнел.

Анна поняла, что сказала, но извиняться было некогда. В

прихожей уже звонили.

Виктор вошёл первым. Он был в куртке поверх домашней одежды. Мать несла пакет с лекарствами.

— Где ребёнок?

Анна провела их в комнату.

Мать положила ладонь Мише на лоб:

— Горит. Почему скорую не вызвали?

— Мы звонили. Сказали наблюдать.

— По телефону они много чего скажут.

Она достала другое жаропонижающее.

— Когда давали лекарство?

— Двадцать минут назад, — ответил Константин.

— Значит, это пока нельзя.

Анна удивилась:

— Ты же сказала дать нормальное.

— Я не знала, сколько времени прошло.

Мать снова измерила температуру.

Тридцать восемь и девять.

— Начинает снижаться, — сказал Константин.

Виктор осматривал комнату:

— Окно открывали?

— Проветривали вечером.

— Здесь душно.

Он открыл форточку.

— Закрой, его знобит, — попросила Анна.

— Свежий воздух нужен.

— Но не сквозняк.

— Я сам двоих детей вырастил.

У Виктора была только одна дочь, но Анна не стала поправлять. Вероятно, он имел в виду её и теперь Мишу.

Мать сменила полотенце, напоила внука водой и села рядом. Делала всё уверенно, без суеты. Анна смотрела на неё и постепенно успокаивалась.

В четыре утра температура опустилась до тридцати восьми.

Миша заснул.

— Вот, — тихо сказала мать. — Уже лучше.

Она действительно помогла. Убедила ребёнка выпить воду, заметила, что он вспотел, сменила мокрую футболку. Анна чувствовала благодарность и стыд за то, что не справилась так же уверенно.

Они вышли на кухню.

Виктор открыл холодильник, достал бутылку воды и посмотрел на срок годности детского йогурта.

— Завтра заканчивается.

— Он свежий, — сказал Константин.

— Я просто смотрю.

— Мы сами следим за продуктами.

— Судя по происходящему, не очень.

Анна поставила перед родителями чашки:

— Папа, не нужно.

— Что не нужно? Мы ночью приехали, потому что вы не

знаете, как сбить ребёнку температуру.

— Мы всё сделали правильно, — ответил Константин.

— Если сделали правильно, зачем звонили нам?

Он посмотрел на Анну.

Она первой отвела глаза.

— Я испугалась, — призналась она.

— Вот именно, — сказал Виктор. — В критической ситуации ты теряешься.

— Любая мать переживает за ребёнка.

— Переживать и впадать в панику — разные вещи.

Мать коснулась руки мужа:

— Давай не сейчас.

— А когда? Пока всё хорошо, они взрослые и самостоятельные. Как только случается проблема, звонят нам.

— Я позвонила маме, — сказала Анна. — Не тебе.

— Мы семья. Или это действует только тогда, когда тебе нужна помощь?

— Я благодарна, что вы приехали.

— Благодарность быстро заканчивается. В прошлый раз нас из квартиры выставили.

Константин поднялся:

— Никто вас не выставлял. Я попросил не открывать шкафы.

— Не вмешивайся, когда я разговариваю с дочерью.

— Вы разговариваете о нас обоих.

— О моём внуке.

— Который сейчас спит. Поэтому можно говорить тише.
Виктор тоже встал.

— Ты мне указывать будешь?

Анна оказалась между ними:

— Перестаньте.

Из комнаты донёсся слабый голос Миши:

— Мамочка.

Она побежала к сыну.

Когда вернулась, мужчины сидели по разные стороны стола. Мать мыла чашки, хотя рассвет только начинался.

— Мы останемся до утра, — сказала она.

— Не нужно.

— А если температура снова поднимется?

— Мы справимся.

Мать вытерла руки:

— Ты уверена?

Анна посмотрела на Константина. Он не вмешивался, предоставляя ей ответить самой.

— Да.

— Хорошо. Тогда позвони сразу, если станет хуже.

Родители начали собираться.

В прихожей Виктор задержался возле двери:

— Аня, выйди на минуту.

Она вышла на лестничную площадку. Отец прикрыл дверь, оставив Константина внутри.

— Ты понимаешь, что происходит?

— Миша заболел.

— Я не об этом.

— А о чём?

— Ты пытаешься доказать, что можешь жить без нас.

— Я ничего не доказываю.

— Тогда почему не позвонила сразу?

— Я позвонила в скорую.

— Чужим людям.

— Медицинскому работнику.

— А мать вспомнила, когда уже не знала, что делать.

Анна прислонилась к стене:

— Папа, у детей бывает температура.

— Бывает. Только не каждая мать начинает метаться и мешать лечить ребёнка.

— Я не мешала.

— Ты даже не могла решить, накрыть его или открыть окно.

Она вспомнила, как то убирала, то возвращала одеяло.

— Я испугалась.

— Сегодня испугалась температуры. Завтра произойдёт что-то серьёзнее. И что тогда?

— Костя рядом.

Виктор усмехнулся:

— На него надеешься?

— Мы вместе воспитываем Мишу.

— До первой настоящей проблемы. Потом он соберёт ве-

щи и скажет, что ребёнок ему чужой.

— Он так не сделает.

— Ты и про отца Миши говорила то же самое.

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Костя другой.

— Все они сначала другие.

Отец посмотрел на закрытую дверь:

— Ты живёшь в его квартире. Денег у тебя немного. Ребёнок не его. Документов никаких нет. Он завтра попросит вас уйти — куда пойдёшь?

— Сниму жильё.

— На свою зарплату?

Анна вспомнила накопительный счёт. Денег там было недостаточно даже для залога и первого месяца аренды.

— Что будешь делать, если Миша заболеет, а мы не приедем? — продолжал Виктор. — Кто станет забирать его из сада? Кто посидит, пока ты работаешь? Этот твой Костя возьмёт больничный?

— Возьмёт, если понадобится.

— Ты спрашивала?

Она молчала.

— Вот видишь.

Отец говорил негромко. В его словах не было явной угрозы — только факты, отобранные так, чтобы каждый подтверждал её беспомощность.

— Я не хочу тебя пугать, — сказал он. — Но однажды ты

должна посмотреть правде в глаза.

— Какой правде?

Виктор надел перчатки:

— Без нас ты пропадёшь.

Он спустился по лестнице.

Анна осталась возле двери.

В квартире заплакал Миша.

Она вошла и поспешила в комнату. Температура снова немного поднялась, но уже не так высоко. Константин дал сыну воды и записал показатели на листе.

— Что сказал твой отец?

— Ничего.

Он посмотрел на неё:

— Аня.

— Сказал, что я не справляюсь.

— Ты справляешься.

— Сегодня справилась мама.

— Мы дали лекарство до их приезда. Температура уже снижалась.

— Я металась и мешала тебе.

— Потому что боялась.

— Значит, папа прав.

Константин отложил ручку:

— В чём?

— В серьёзной ситуации я теряюсь.

— Ты позвонила врачу, дала препарат и наблюдала за ре-

бёнком.

— Потом позвала родителей.

— Это не преступление.

— Но мы действительно от них зависим.

— Иногда зависим.

— А если они перестанут помогать?

— Будем искать другой способ.

— Какой?

— Няня. Больничный. Ольга. Мои родители, если смогут приехать.

— А если никто не сможет?

Константин устало посмотрел на неё:

— Тогда будет трудно.

— Вот видишь.

— Нет, Аня. Трудно — не значит невозможно.

Она села возле Миши. Сын спал, прижавшись щекой к подушке.

— Папа сказал, что ты однажды выступишь нас.

Константин закрыл глаза:

— Разумеется.

— Что «разумеется»?

— Я ожидал чего-то подобного.

— Ты не ответил.

— На что?

— Ты можешь нас выставить?

Он резко встал:

— Любого человека теоретически можно выставить из своей квартиры. Этого ответа ты хочешь?

Анна побледнела.

Константин сразу пожалел о тоне, но продолжил:

— Или я должен поклясться, что никогда, ни при каких обстоятельствах, даже если мы возненавидим друг друга, не попрошу тебя уйти?

— Можно было просто сказать «нет».

— Нет. Я не собираюсь тебя выгонять. Но твой отец каждый раз придумывает новую катастрофу, а потом я должен доказывать, что она не случится.

— Он беспокоится.

— Он добивается, чтобы ты снова боялась жить без него.

— Они приехали среди ночи.

— Да. И я им за это благодарен.

— Не похоже.

— Можно помочь человеку и одновременно использовать эту помощь против него.

Анна отвернулась.

Константин сел рядом:

— Прости. Я тоже устал и испугался.

— Ты сердишься, что я позвонила маме?

— Да.

— Почему?

— Потому что ты доверилась ей больше, чем врачу и мне.

Ответ был честным.

— Я привыкла ей звонить.

— Знаю.

— Она действительно умеет ухаживать за детьми.

— Я видел.

— Значит, я поступила правильно?

— Я не могу решить это за тебя.

Анна почти рассмеялась:

— Как удобно.

— Очень. Но я серьёзно. Ты позвала мать, потому что хотела помощи или потому что была уверена, что сама обязательно всё сделаешь неправильно?

Она посмотрела на спящего сына.

Ответ ей не понравился.

Ближе к утру температура снова снизилась. Миша проснулся и попросил пить.

— Бабушка приходила? — спросил он.

— Приходила.

— Дедушка тоже?

— Да.

— Я не видел.

— Ты спал.

Миша немного подумал:

— Они нас спасли?

Анна удивилась:

— Почему ты так решил?

— Дедушка всегда говорит, что без него никто не спра-

вится.

Константин стоял у окна. Он ничего не сказал.

Анна поправила одеяло:

— Тебе дали лекарство мама и папа.

— А бабушка?

— Помогла.

— А дедушка?

Она не знала, что ответить.

— Тоже приехал.

Миша удовлетворённо закрыл глаза.

Когда сын уснул, Анна открыла накопительный счёт. Сумма действительно была небольшой, но она больше не казалась бессмысленной.

Анна нашла объявления о нянях, выписала телефоны двух служб, посмотрела стоимость аренды квартир и условия семейного общежития. Потом составила список людей, которым могла позвонить в экстренной ситуации.

Константин заглянул через её плечо:

— Собираешься уходить?

— Нет.

— Тогда зачем квартиры?

— Хочу знать, что не пропаду.

Он кивнул:

— Хорошая причина.

— Ты не обиделся?

— Немного.

— Почему?

— Потому что часть меня хочет, чтобы тебе было достаточно моего обещания.

— А другая?

— Другая понимает: если ты зависишь только от меня, это не свобода. Просто другой человек вместо родителей.

Анна закрыла объявления, но список сохранила.

Она не собиралась уходить.

Просто впервые начала готовиться не к катастрофе, придуманной отцом, а к самостоятельной жизни, в которой трудности не означали поражение.

Днём позвонила мать:

— Как Миша?

— Температура тридцать семь и пять.

— Я приеду.

— Не нужно. Мы справляемся.

— Аня, не упрямясья.

— Я не упряплюсь. Спасибо, что приехали ночью. Сейчас мы сами.

— Папа после вашего разговора места себе не находит.

— Мы поговорили нормально.

— Он хотел помочь.

— Я знаю.

— А ты снова выставила его виноватым.

Анна посмотрела на список телефонов возле ноутбука.

— Мам, я не буду сейчас это обсуждать.

— Конечно. Тебе же больше никто не нужен.

— Нужен. Но помощь не даёт права решать за меня.
На другом конце стало тихо.

— Это Константин тебя научил?

Старый вопрос.

Но теперь Анна знала ответ.

— Нет. Жизнь.

Она закончила разговор и вернулась к сыну.

Фраза отца всё ещё звучала внутри:

«Без нас ты пропадёшь».

Раньше Анна принимала её за доказательство любви.

Теперь впервые слышала в ней другое.

Не страх потерять дочь.

Страх однажды стать ей ненужным.

Глава 14. Семья под угрозой

После болезни Миши в доме установился новый порядок.

Утром Анна измеряла ему температуру, записывала показания в блокнот и только потом ставила чайник. В обед звонила из коридора офиса, стараясь угадать по голосу Константина, действительно ли с сыном всё хорошо или тот просто не хочет её тревожить. Вечером долго сидела возле детской кровати и прислушивалась к дыханию.

Миша уже бегал по квартире, строил гараж из диванных подушек и возмущался, когда его заставляли пить тёплый компот. Болезнь отступила, но Анна всё ещё ждала нового жара.

Константин не торопил её.

Он только однажды убрал градусник из-под руки спящего мальчика и сказал:

— Ты проверяла десять минут назад.

— Мне показалось, он горячий.

— Он под одеялом.

Анна коснулась губами лба сына.

— Нормальный, — признала она.

— Тогда пойдём спать.

Она кивнула, но возле двери обернулась.

— А если ночью снова поднимется температура?

— Встанем и разберёмся.

Ответ прозвучал просто. Без обещаний, что ничего плохого не случится. Без требования перестать волноваться. Константин не мог гарантировать ей спокойную ночь — только своё присутствие, если она окажется беспокойной.

Анне этого почти хватило.

О родителях они старались не говорить. Мать присылала короткие сообщения: спрашивала о температуре, аппетите, кашле. Анна отвечала так же коротко, не добавляя фотографий и не описывая назначения врача.

Отец не писал совсем.

Его молчание чувствовалось сильнее материнских вопросов. Оно лежало между Анной и телефоном, заставляя её каждый раз вздрагивать, когда загорался экран.

На четвёртый день позвонила мать.

— Миша уже здоров? — спросила она после приветствия.

— Почти. Завтра пойдём к врачу на осмотр.

— Значит, в субботу привезёшь его к нам.

Это было сказано не как вопрос.

Анна прижала телефон к уху и посмотрела на закрытую дверь детской. Константин читал Мише книгу, иногда останавливаясь, чтобы ответить на бесконечные вопросы.

— Нет, мам. После болезни пусть побудет дома.

— Он и так всё время дома.

— Ему нужно восстановиться.

— На свежем воздухе восстановится быстрее. Папа собирался отвести его к реке, кораблики запускать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.